

Марина Викторовна Загидуллина
Россия, Челябинский государственный университет

МЕДИАЭСТЕТИКА В АСПЕКТЕ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА*

Ключевые слова: медиаэстетика, эколлингвистика, лингвоэкологические исследования, языковая биосистема, „зеленая лингвистика”, экомедиалингвистика.

Media Aesthetics Through an Ecolinguistic Approach

Key words: media aesthetics, ecolinguistics, lingua-ecological studies, language biosystem, „green linguistics”, ecomedialinguistics.

Abstract: The chapter is devoted to the crossroads of two hybrids: media aesthetics and ecolinguistics. The author focuses attention on the evolution of the basic concepts of these two disciplines in the new age of electronic media. The intertexting of ideas of McLuhan and F. de Saussure can be helpful to understand the current communication field. In this publication, the theme of cyberghettos (total particularities) as a source of local communicative codes is discussed. “Green linguistics” as a consequence of ecolinguistics major principles is considered as a way of accepting different codes as objects of description rather than criticizing them. The richness of language is embodied in the different sorts of language activity according to these codes, and this diversity makes a language stronger.

В центре нашего внимания находится проблема столкновения парадигм, представленных двойными гибридами – медиаэстетикой (медиа+эстетика) и эколлингвистикой (экология+лингвистика). Когда и до того конфликтные по своей сути гибриды вступают во взаимодействие, с исследовательской точки зрения крайне сложно уловить закономерности их совместного функционирования. С другой стороны, на перекрестке этих разнородных феноменов обнаруживаются новые смыслы, позволяющие конструктивно анализировать „текущую современность” (Бауман 2008).

Для того, чтобы выявить эти новые смыслы, следует последовательно охарактеризовать каждую из парадигм, образуемых исходными гибридами. При этом нам придется уточнить и сами составные „поля” каждого гибрида – поскольку существенна разница терминопотребления в разных школах и национальных исследовательских системах.

Медиаэстетика представляет собой, как очевидно следует из состава термина, наложение понятий „медиа” и „эстетика” („эстетика медиа”). Ни одно

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).

из этих понятий в настоящее время не может рассматриваться как устоявшееся. Термин „эстетика” казался общепринятым („наука о прекрасном”, „наука об искусстве”) до серьезного вторжения в философию постмодернистских течений мысли, которые ставят под вопрос структурализм вообще (а следовательно, наличие ясности в категориях не только прекрасного / безобразного, но и, например, природного / искусственного – см. об этом: Бычков, Бычков 2010). Однако для удобства рассуждения будем понимать под эстетикой и эстетическим учение о форме и переживание формы как выражения внутреннего смысла (по Аристотелю – форма как воплощение эйдоса, его осуществление). Термин „медиа”, в свою очередь, тоже оказывается неустойчивым: если в русскоязычных исследованиях этот термин применяется в основном как синоним понятия „масс-медиа” и даже „средства массовой информации”, то в западной научной традиции (откуда термин заимствован как калька) под „медиа” понимается любое посредничество в коммуникации (и „масс-медиа” – это „тиражируемое посредничество”, адресованное неопределенному кругу потребителей). В этом смысле никогда, например, в российских работах мы не встретим рассуждений о художественной литературе как о медиа, крайне редки исследования музыки, фильмов, игр с этой точки зрения (как масс-медийных форм коммуникации). Проясняя терминопотребление, отметим, что под „медиа” здесь понимаются формы массовой коммуникации, сложившиеся в начале XXI века под воздействием стремительного развития коммуникационных технологий, а именно интернет-коммуникации платформенно-группового типа, определяемые технико-технологическими свойствами самой платформы, с одной стороны, и идеологическими элиминациями групповой идентификации – с другой. Это означает, что нас не интересует техника печатного производства, например, газеты, но мы рассматриваем ту же газету в условиях ее существования в Интернете, и даже – еще точнее – существования ее в виде разрозненных текстов, становящихся объектом репостов и комментариев в социальных медиа. Это же касается сюжетов ТВ, аудиозаписей, сложных поликодовых единств, включающих и текст, и изображение, и звук.

При этом значение имеет ряд принципиальных моментов. Так же, как сомнение в существовании самого понятия эстетического, возникающее в связи с деструктуралистским проектом конца XX века, проблематизирует исследования эстетики (все может быть безобразным и прекрасным одновременно, это зависит лишь от установки и идеологии, иногда всего лишь от точки зрения – в буквальном, физическом смысле этого выражения), создается и угроза термину „медиа”, в каком смысле мы бы его ни взяли. В рамках далеко идущего прогноза, впрочем, основанного на фундаментальном прогнозе Г. М. Маклюэна (Маклюэн 2003), медиа как „внешние расширения человека” постепенно станут неотличимы от его органических свойств. Качество, передаваемого с помощью разных технических устройств звука, изображения становится все более высоким. Дополненная реальность фактически создает иллюзию физической реальности, и хотя пока иногда воспринимается как „фокус”, явно развивается в сторону „удваивания” реальности – причем по законам эстетики, пользуясь выражением Маклюэна, периода „ретрайбализации” человечества (когда все те чувства, что были

притуплены периодом господства „фонетических алфавитов” и их триумфа – периода печатного тиражирования текстов, длящегося более 400 лет, вновь получают импульс к развитию, уже на новом витке развития технологий и внешних расширений человека с помощью всевозможных медиа).

Именно поэтому создается прямая связь между дальнейшим техническим совершенствованием и развитием медиа и собственно эстетикой – например, рассуждая о той же дополненной реальности, американский исследователь Джон Тиннель подчеркивает значимость опыта импрессионистов для технологий дополненной реальности на открытом пространстве („пленэр”, Tinnell 2014).

Однако, возвращаясь к вопросу „исчезновения медиа”, отметим, что кибернизация человека – равно как и биокомплектование киберсистем – может привести к эффекту тотальной медиатизации уже не в том смысле, как это выражение употребляется сейчас (проникновение медиа в массовые повседневные культурные практики, ранее исключенные из публичной сферы), а в смысле интеграции медиа с самим организмом человека. В этой связи серьезный исследовательский интерес представляют „носимые гаджеты”, „интернет вещей”, а также вопросы роботизации отдельных органических систем человека в ходе развития медицинских технологий. Но если эти процессы пойдут в направлении симбиоза организма и технического устройства, последнее станет частью первого. Нетрудно уже сегодня представить себе эволюцию наушника – в настоящее время он становится все меньше, „органолептичнее”, а в недалеком будущем (и даже уже сейчас) может стать беспроводной микроскопической „нашлепкой” непосредственно на барабанную перепонку. И тогда это „внешнее расширение” перестает быть внешним, это уже вполне реальная часть организма, а свойства, которыми она обладает (передача звука телефонного звонка, видеосюжета, ответа какой-нибудь Siri и т. п.), неотличимы от свойств самого человека. И тогда что будет „медиа”? Растворившись в человеке, они исчезнут, станут „обязательной” частью его организма:

Я называю эту своеобразную разновидность самогипноза *«Нарциссическим наркозом»* – синдром, при котором человек не замечает психогенных и социальных последствий новых технологий в той же мере, в какой рыба не замечает воды, в которой плавает. В результате происходит вот что: в момент, когда новое, созданное средствами массовой коммуникации мироустройство становится всеобъемлющим и меняет наш сенсорный баланс, оно также становится для нас невидимым (Маклюэн 1969).

Впрочем, остается вопрос создания контента этих грядущих расширений. И здесь как никогда актуальна мысль Маклюэна, неоднократно и настойчиво подчеркивающего, что контент не так важен как сама технология, форма, конфигурация медиа, которая сразу вслед за своим утверждением в повседневных практиках влечет за собой реконфигурацию всей человеческой жизни.

Даже полное „растворение медиа в человеке” оставляет важным сам вопрос производства контента – но в обществе тотальной медиатизации

это производство децентрализуется, уходит от монополистов средств производства контента (как, например, крупные медиахолдинги сегодня) в само „племя”, контент оказывается той материей, что содержит в себе потенциал оформления, формирования, воплощения (согласно Аристотелю), а мастером может выступить любой, у кого есть достаточно эмоционально-чувственного, уникально-интеллектуального и ремесленно-инструментального посыла оформить материю контента в отдельное послание – произведение искусства.

Отвлекаясь от маклюнианства как концепции будущего развития человечества, мы можем уточнить несколько моментов, напрямую связанных с сегодняшним состоянием медиаэстетики.

1. Технологии современных массовых коммуникаций выводят вопросы формы сообщения на первый план. Сама форма уже оказывается содержательной, другими словами, она провоцирует смыслы, присутствующие ей в силу ее уникальности (в свою очередь обеспеченной «ручной работой», автором-творцом, который стоит за этой формой). Таким образом, в современном медиа-обмене формат (матрица, устойчивая форма, общий регистр коммуникации) уступает место форме-уникуму, отвечающей за исключительное и единственное корреспондирование с тем, что она призвана передать. Это ведет к кризису любых формальных единств прошлой („гутенберговой”, печатной) эпохи: жанров, видов, типов, стилей, манер, направлений и т. п. Лелеемая каждым творцом уникальность и обретение своего полноправного голоса в хоре голосов миллионов других достигается за счет усвоения традиций как отправных точек творчества – преодоления этих традиций. Именно творчество и ручная работа становятся критериями инновации – все остальное отдается „на откуп” роботам и ботам. В современной журналистике мы усматриваем воплощение этого тезиса, например, в триумфе сторителлинга или вариациях гонзо-журналистики.
2. Значимость эстетики в сфере масс-медиа обеспечена уплотнением и ускорением информационных потоков, что заставляет любое сообщение вступать в конкурентную борьбу с миллионами других. Выйти из этой борьбы победителем за счет высокой стандартизации и соответствия какому-то конкретному эталону оказывается невозможно. Именно поэтому идеалы индустриальной эпохи (включая фордизм и макдональдизацию) остаются незыблемо значимыми в организации человеческой жизни как социального организма – но маргинализируются подобно электричеству (которое сегодня может рассматриваться как кровь городов и поселений – человек не замечает тока крови в организме). Таким образом, период перехода к тотальной медиатизации (по Маклюэну, прыжок в „водоворот электронных медиа”) вполне соотносим с „дионисийским” (по Ф. Ницше) периодом развития искусства, когда торжествуют формы барочные, взрывные, дисгармоничные, хаотичные (Manovich 2001) – и в них-то единственно адекватно отражается смысл и суть сегодняшнего времени и пространства. Это коммуникации на площади (Бахтин 1998). Эстетика

новейших медиа в этом смысле никак не исчерпывается мифом соответствия „блип-культуре” или „клиповому сознанию” (что следует отнести к определенным стереотипам первичного восприятия перемен, происходящих в обществе под воздействием новых форм культуры), но характеризуется, как минимум, тремя главными чертами, определяющими победу сообщения в ходе естественного отбора: уникальность, глубина соответствия содержанию, остроумность (что никак не равно смеховому началу, а касается именно неожиданной и яркой интеллектуализации сообщения). Эти качества становятся ключевыми в дальнейшем развитии медиасистем.

3. Фрагментация медиаэстетики происходит под давлением тех же технологий – физической возможности аудитории сегментироваться в любых пропорциях и по любым основаниям. Три ключевые черты, названные выше, трансформируются и наполняются специфическим смыслом применительно к конкретной среде, в которой они функционируют, – в рамках того комьюнити, сообщества, которое разделяет те или иные эстетические ориентиры. Такая фрагментация происходит в рамках „тотальных частностей” (или кибергетто), обладающих особыми кодами коммуникационного обмена. Код приходит на смену жанру, стилю, формату, и отличается от прежних культурных кодов бесконечным множеством вариантов, которые „не узнают” друг друга при столкновениях. Так создается основа для эстетического релятивизма, ценностного кризиса, выражаемого эстетически. Однако этот кризис проявляется исключительно в столкновениях кодов: внутри каждого фрагмента, каждой „тотальной частности” система ценностей всегда вертикально упорядочена в категориях добра и зла.

Таким образом, медиаэстетика как особая сфера научной рефлексии открывает возможность не только описывать отдельные „артефакты коммуникации”, но и предсказывать общий ход развития медиатизирующегося общества. Большое значение здесь имеют и наработки других гибридных дисциплин – например, медиалингвистики (Добросклонская 2000). Осмыслению медиаэстетических феноменов может помочь эколингвистический подход.

Эколингвистика представляет собой гибрид понятий „экология” и „лингвистика”. Это направление гуманитарной мысли достаточно развито и в российской, и в зарубежной науке (принято считать, что оно восходит к трудам Э. Хаугена, см. Haugen 1972). Однако – как и в случае с медиаэстетикой – важно обратить внимание на нечеткость и неявность базовых дефиниций. Экология как наука об окружающей среде давно перешагнула границы собственно дисциплинарной дефиниции. Само это понятие получило оценочную нагрузку, а прилагательное «экологичный» стало описывать состояние чего бы то ни было по шкале «загрязненность – чистота» (здоровая норма – больная аномалия). Фактически экологический дискурс, изучаемый со времен вирусного (как мы сказали бы сейчас) распространения идей Римского клуба и доклада „Пределы роста” 1972 года, проник в самые разные сферы человеческой деятельности и стал основанием множества значимых

метафор (например, „экология мышления”, „экология нравственности”, „экология души” и т. п.). С одной стороны, экология включает коды описания только окружающей среды, с другой стороны, позволяет эксплуатировать свой словарь применительно к любой среде, которую метафорически можно назвать „окружающей” по отношению к чему угодно.

Лингвистика – самый устойчивый, казалось бы, термин, восходящий к идеям Ф. де Соссюра столетней давности, переживает такую же „перезагрузку”, как и термин „эстетика”. Постструктурализм поставил под сомнение главную дихотомию Ф. де Соссюра – язык и речь, актуализировав среднее звено его формулы – *langage*. В свое время неудачно переведенное на русский язык как „речевая деятельность”, это понятие обретает сейчас новую жизнь и раскрывает свой эпистемологический потенциал. Для адекватного обозначения того, что, возможно, этот термин может нести современному исследователю, мы воспользуемся таким окказионализмом, как „языкование”. Сам Соссюр указывал на неадекватность французского *langage* возможным переводам на немецкий и латинский языки (Соссюр 1999: 22). Речь – это физически данная нам оформленная материя языка. Изучение речи невозможно в силу ее распыленности во времени и пространстве, огромной множественности проявлений, а кроме того, многосоставности самих физических характеристик, не подлежащих сбору и наблюдению. Язык – это материя в ее потенциале, которую можно изучать исключительно абстрактно, отвлекаясь от речевой конкретики, структурируя эту материю идеальным образом. Языкование – это компромисс между абстрактно-идеальным языком и конкретно-уникальной и бесконечно множественной речью; это некие общие черты речи, определяемые факторами ее возникновения (по большей мере эти факторы социальные). Языкование может быть объектом изучения с большой натяжкой – в силу все той же текучести действительности и субъективности самих условий исследования.

Какой вызов бросает этим рассуждениям Соссюра современная ситуация? Прежде всего, медиатизирующееся коммуникационное поле создает условия для исследования языкования: обусловленная определенными факторами речь записана в сети – причем оппозиция устной и письменной речи тоже стерта (возникает гибрид устно-письменной речи, см. Лутовинова 2008). Уже не только отвлеченные структурные формы языка могут быть объектом изучения, и не только уникальные отдельные примеры речи, но именно языкование, доступное наблюдению исследователя в самых разных аспектах своего бытования. Кроме того, Digital Humanities открывают перед исследователями новые горизонты: фиксируемое в электронном пространстве коммуникации языкование превращается в Big Data, а инструменты анализа, упорядочивания и классификации этой базы данных позволяют рассматривать языкование как квантовую материю языка. Построение национальных корпусов языка и все направление корпусной лингвистики можно рассматривать как достаточно яркое и интернациональное ответвление лингвистики, основанной уже не на единичных примерах речи или отвлеченном упорядочивании структур языка вне его речевой реализации, а на крупных массивах словоупотреблений в конкретных дискурсивных практиках. Конечно, очевидно

несовершенство отдельных корпусов (например, русского – где нет четкого описания и обоснования базы данных, она во многом случайна и недостаточно репрезентативна, хотя, несомненно, представляет собой огромный труд по разметке метаданных и обработке миллионов слов), однако существуют и более удачные практики построения национальных корпусов (например, Чешский корпус, представляющий собой срезы определенных периодов, SYN 2000, SYN 2005, SYN 2010, см. www.korpus.cz).

Фактически перед нами путь к оценке национальной языковой способности и систематизации представлений о ней.

Применительно к эколингвистике можно сказать, что здесь особое значение имеет подход к языку с позиций биоразнообразия. Именно в связи с этим появляется выражение „зеленая лингвистика”. Если изначально в эколингвистических работах этот подход касался языков малых народностей, исчезающих языков и т. п., то мы видим плодотворным перенос этой оптики на сегментацию национального языка. Новые возможности, которые открываются перед исследователями в связи с переходом человечества к медиатизированной коммуникации, оказываются умножены и постструктуралистским подходом к языкованию как лингвистическому объекту. Прежние представления о норме, иерархичность норм, четкие классификации и правила оказываются релевантны эпохам с контролируемым информационным обменом.

В эпоху „тотальных частных”, множества отдельных миров, вырабатывающих свои коммуникационные коды, норма перестает довлеть над национальным языкованием. Успешность коммуникации, таким образом, зависит не от усвоения одной универсальной нормы, а от переключения кодов (здесь стоит вспомнить давно обсуждаемый в рамках культуры речи принцип уместности высказывания вместо нормативности высказывания). „Зеленая лингвистика” рассматривает такие разнокодовые системы как элементы биосистемы языка, полагая, что принцип их разнообразия важнее принципов „чистоты” (следования норме). Хотя эти идеи высказывались многократно и до эпохи социальных сетей, значение имеет перспективность такого подхода, его связь с языковой политикой и социальным управлением. В этом смысле „зеленая лингвистика” оказывается в оппозиции устойчивым представлениям об эколингвистике как об учении о чистоте языка (см., например, основные идеи основателя российской эколингвистики А.П. Сковородникова: Сковородников 2013).

Здесь может быть рассмотрен перекресток эколингвистики и медиаэстетики. Норма, чистота, высокий образец, ориентир перестают быть единственно возможными. Каждая „тотальная частность” предлагает свой вариант. Но с точки зрения „зеленой лингвистики” все они не „плохие” или „хорошие”, а именно разные (см. также размышления о медиаэкологии: Stephens 2014). При этом единственный критерий здесь – отрефлексированность этих форм, их разделение группой, поддержка и коммуникативное согласие. Для „зеленой лингвистики” важно изучение разных кодов именно с целью уловить закономерности и особенности квантования языковой материи. Это работа естествоиспытателя в большей мере, чем гуманитария – здесь возможно

накопление фактов и обобщение наблюдений. Медиаэстетика позволяет рассматривать разнокодовые системы с точки зрения разных представлений об эстетически значимом – и видеть точки сборки языковой способности, ее обновления, креативного переосмысления.

Применение эколлингвистического подхода к медиатизированной коммуникации, таким образом, позволяет фиксировать серьезные сдвиги не столько в формальных характеристиках языка как структуре, но именно в ментально-языковой способности носителей языка, видеть изменения культурной традиции и – шире – осознавать исключительное богатство языковой способности как творческого потенциала, обеспечивающего постоянное производство смыслов (Alexander, Stibbe 2014). По Маклюэну, открытия в сфере „внешних расширений человека” влекут за собою торжество человека творческого, чья деятельность основана не на рациональном, а на интуитивном начале. Тем самым двойной гибрид „медиаэстетики” и „эколлингвистики” получает серьезное теоретическое обоснование:

Я предполагаю, что грядущие десятилетия трансформируют планету в произведение искусства; новый человек, подключенный к космической гармонии, выходящей за пределы времени и пространства, начнет серьезно заботиться о каждом земном артефакте и формировать его, включая себя, так, как если бы это было произведение искусства (Маклюэн, 1969).

Библиография

- Бауман З., 2008, *Текущая современность*, СПб.: Питер.
- Бахтин М.М., 1998, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва: Художественная литература.
- Бычков В.В., Бычков О.В., 2010, *Эстетика*, [в:] Новая философская энциклопедия: в 4 т., Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; представитель научно-редакционного совета В.С. Степин, 2-е изд., испр. и допол. Москва: Мысль.
- Добросклонская Т.Г., 2000, *Теория и методы медиа лингвистики: на материале английского языка*: дис. ... докт. филол. наук, Москва.
- Лутовинова О.В., 2008, *Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации*, [в:] Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, N 71, с. 58-65.
- Маклюэн Г.М., 2003, *Понимание Медиа: внешние расширения человека*, пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова, Москва; Жуковский: КА-НОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Маклюэн М., 1969, *Интервью для Playboy* [Online], (http://www.mcluhanmedia.com/m_mcl_inter_pb_03.html; From «The Playboy Interview: Marshall McLuhan, Playboy Magazine, March 1969, перепечатано в 1994), русский перевод: <http://www.mcluhan.ru/articles/marshall-maklyuen-intervyu-dlya-playboy-ch-2/>.
- Сковородников А.П., 2013, *О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка*, [в:] Экология языка и коммуника-

тивная практика, № 1, с. 194-222.

Соссюр Ф. де, 1999, *Курс общей лингвистики*, ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина, под общ. ред. М.Э. Рут, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.

Alexander R., Stibbe A., 2014, *From the analysis of ecological discourse to the ecological analysis of discourse (Ecolinguistics: the Ecology of Language and the Ecology of Science)*, [w:] *Language Sciences*, Volume 41, Part A, January, 104-110.

Haugen E., 1972, *The Ecology of language, Essays by Einar Haugen*, Stanford: Stanford University Press.

Manovich L., 2001, *Postmedia aesthetics*, [w:] *Transmedia Frictions: The Digital, the Arts, and the Humanities*, eds.: Marsha Kinder, Tara McPherson, University California Press, pp. 34-44.

Stephens N.P., 2014, *Toward a more substantive media ecology: Postman's metaphor versus posthuman futures*, [w:] *International Journal of Communication*, No. 8, 2027-2045.

Tinnell J., 2014, *Computing en plein air: Augmented reality and impressionist aesthetics*, [w:] *Convergence*, Volume 20, Issue 1, 69-84.